

maxime sua interesset
ut facta quaeque posteris tradantur.

Suet. Cal. 16.1

Studia historica

XV

Москва

2017

**«СУСИДА ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»: ЧТО И ОТКУДА
МОГЛИ ЗНАТЬ АНТИЧНЫЕ УЧЁНЫЕ ЭПОХИ СТРАБОНА
О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЭЛАМА?**

В «Географии» Страбона обращает на себя внимание следующий пассаж о «Сусиде» (Сузиане) и истории Элама (XV.3.2 [С 727–728]); при восприятии этого пассажа следует иметь в виду, что «Сусида» у Страбона на протяжении всего его труда – это отнюдь не весь былой Элам и не вся эламская провинция Ахеменидской державы, обнимавшая всё пространство между Вавилонией и Персидой, а только западная часть этого пространства, Сузиана в узком смысле слова, см. подробнее ниже):

σχεδὸν δέ τι καὶ ἡ Σουσίς μέρος γεγένηται τῆς Περσίδος μεταξύ αὐτῆς κειμένη καὶ τῆς Βαβυλωνίας, ἔχουσα πόλιν ἀξιολογωτάτην τὰ Σοῦσα. οἱ γὰρ Πέρσαι κρατήσαντες Μήδων καὶ ὁ Κῦρος, ὀρῶντες τὴν μὲν οἰκείαν γῆν ἐπ' ἐσχάτοις που ταπτομένην, τὴν δὲ Σουσίδα ἐνδοτέρω καὶ πλησιαιτέραν τῇ Βαβυλωνίᾳ καὶ τοῖς ἄλλοις ἔθνεσιν, ἐνταῦθα ἔθεντο τὸ τῆς ἡγεμονίας βασιλείον: ἅμα καὶ τὸ ὄμορον τῆς χώρας ἀποδεξάμενοι καὶ τὸ ἀξίωμα τῆς πόλεως καὶ κρεῖττον τὸ μηδέποτε καθ' ἑαυτὴν τὴν Σουσίδα πραγμάτων μεγάλων ἐπήβολον γεγονέναι, ἀλλ' ἀεὶ ὑφ' ἑτέροις ὑπάρξαι καὶ ἐν μέρει τετάχθαι συστήματος μείζονος, πλὴν εἰ ἄρα τὸ παλαιὸν τὸ κατὰ τοὺς ἥρωας. λέγεται γὰρ δὴ κτίσμα Τιθωνοῦ τοῦ Μέμνονος πατρός, κύκλον ἔχουσα ἑκατὸν καὶ εἴκοσι σταδίων, παραμήκης τῷ σχήματι: ἡ δ' ἀκρόπολις ἐκαλεῖτο Μεμνόιον: λέγονται δὲ καὶ Κίσσιοι οἱ Σούσιοι: φησὶ δὲ καὶ Αἰσχύλος τὴν μητέρα Μέμνονος Κισσίαν. ταφῆναι δὲ λέγεται Μέμνων περὶ Πάλτον τῆς Συρίας παρὰ Βαδᾶν ποταμόν, ὡς εἶρηκε Σιμωνίδης ἐν Μέμνονι διθυράμβῳ τῶν Δηλιακῶν. τὸ δὲ τεῖχος ὠκοδόμητο τῆς πόλεως καὶ ἱερὰ καὶ βασιλεία παραπλησίως ὥσπερ τὰ τῶν Βαβυλωνίων ἐξ ὀπτῆς πλίνθου καὶ ἀσφάλτου, καθάπερ εἰρήκασί τινες: Πολύκλειτος δὲ διακοσίων φησὶ τὸν κύκλον καὶ ἀτείχιστον.

«Сусида также является почти что частью Персиды и расположена между Персидой и Вавилонией; наиболее значительный город её – Сусы. Ибо персы и Кир, покорившие мидийцев, увидев, что их родина расположена до некоторой степени на окраине [державы], тогда как Сусида находится глубже внутри [державы] и также ближе к Вавилонии и к прочим народам, заложили там царскую резиденцию своей державы. Вместе с тем персы оценили положение её [Сусиды] на границе той [своей] земли [=Персиды] и большое значение города [Сусы], а также – что ещё важнее – то обстоятельство, что Сусида сама по себе никогда не предпринимала больших дел (πραγμάτων μεγάλων), но всегда находилась под чужим владычеством и составляла часть более крупного государственного объединения, за исключением, быть может, древности, героической эпохи [τὸ παλαιὸν τὸ κατὰ τοὺς ἥρωας, досл. «в древности, при героях»]. Как

говорят, Сусы основал Тифон, отец Мемнона; окружность города составляла 120 стадий при продолговатой форме. Акрополь Сус назывался Мемнонием, а [сами] сусийцы [=жители Сус] именовались также «киссии»; и Эсхил называет мать Мемнона Киссией. Мемнон, говорят, погребён близ Пальта в Сирии у реки Бад, как сообщает Симонид в дифирамбе под заглавием «Мемнон», одной из его делосских поэм» (пер. Г.А. Стратановского с изменениями).

Для нас здесь существенны три момента: именование жителей Суз и Сузианы, вслед общегреческой учёной традиции, киссиями; увязывание истории Суз и Сузианы с греческим легендарием через фигуры Тифона как основателя Суз и его сына Мемнона как их обустроителя (или через отождествление неких местных фигур с Тифоном и Мемноном в указанных ролях) – Мемнон при этом, очевидно, считался сыном Тифона от эпонимной Киссии; и, самое главное, представление о том, что некогда в истории «Сусиды» была эпоха «героев», когда она была самостоятельна и предпринимала, возможно, большие дела, а затем она сменилась эпохой, когда «Сусида» была не самостоятельна, а представляла собой часть то одного, то другого большого государства каких-то иных народов.

Подчеркнём, что под героической эпохой «Сусиды», когда она была самостоятельна, может иметься в виду только древняя история Элама как такового, в целом, а не специально Сузианы: Сузиана не была отдельной от остального Элама самостоятельной политией уже в течение тысяч лет. На протяжении этого времени Элам мог периодически существовать отдельно от Сузианы, но последняя в соответствующие отрезки времени являлась не отдельным самостоятельным государством, а территорией, захваченной у Элама каким-то соседом и входившей во владения этого соседа. Таким образом, говоря о двух эпохах истории «Сусиды» – древней, героической, когда она была независима, и следующей, продолжавшейся ко времени Кира, в которую «Сусида» входила в состав чужеземных государств, Страбон фактически называет героической эпохой истории Сусиды историю независимого Элама в целом, как такового, а не особую историю собственно Сузианы, хотя «Сусида» у Страбона – это именно последняя, отличаемая им от остальных субрегионов бывшего Элама. Как раз о том, что эти субрегионы некогда составляли политическое единство (именно оно реально именовалось Эламом и временами, как упоминалось, существовало и без Сузианы, находившейся во временном владении других держав), Страбон представления не имеет; самого термина «Элам» он, как и другие античные авторы, не знает, а производное от него – термин «Элимея» – использует только как именование другой, смежной с Сузианой области Юго-Западного Ирана, не оговаривая каких-либо былых связей её с Сузианой.

Понимание этого обстоятельства требует экскурса в историческую географию самого Элама и репрезентацию последней в античной учёной традиции – эта традиция не опознавала в территориях, составлявших во II –

середине I тыс. до н.э. исторический Элам, какого-либо единого целого (под каким бы то ни было именовани­ем). Исторический Элам указанного времени состоял, как известно, из нескольких достаточно обособленных друг от друга субрегионов, что отражалось и в титулатурах эламских царей, например «правитель Халтамти [=Элама] и Шушен [Сузианы]»¹; «царь Анзана [Анчана] и Шушун [Сузианы], правитель Халтамти [Элама]»²; «царь Анзана и Шушун»³, «царь Симашки и Элама»⁴, «правитель Симашки, Элама и Суз [Сузианы]»⁵, и в эламских перечнях богов: «боги Халтамти, боги Анчана, боги Шушен [Сузианы]»⁶, и в надписях Месопотамии, например у Гудеа: «Аншан и Элам»⁷; «эламиты (elam) приходили к нему из Элама, сузианцы (*шушин*, *šušin*) – из Сузианы (Шушин, *Šušin*)»⁸ – и надписи из Дера: «войско Аншана, Элама и Симашки»⁹. В первом из вышеперечисленных примеров эламский термин Халтамти (эквивалентный аккадоязычному термину «Элам(ту)/Эламат», усвоенному в прочие семитские языки, ср. ветхозаветное «Элам») употреблён наравне и наряду с «Сузианой» как именование некоей иной части Эламского царства, т.е. в суженном смысле слова, для обозначения прочего, отдельного от Сузианы Элама или его части; во втором – как обобщающее именование всей территории Эламского царства, включая Сузиану и Анчан, т.е. в основном, широком смысле слова¹⁰. В нескольких из последних примеров в том же суженном смысле слова, что и у Халтамти в первом примере, употребляется эквивалентный

¹ MDAI LIII 21.

² EK. S. 76.

³ MDAI XLI 53.

⁴ EK. S. 3. Anm. 18.

⁵ EK. S. 5. Anm. 51, 59; S. 6. Anm. 76; S. 88. Anm. 6.

⁶ Надпись Шилхак-Иншушинака I, IRS 54: i 92–93, 101–102, iv 3–5, 8–10, 41–43, 54–55.

⁷ RIME 3/1: 35 (RIME.3/1.1.7.StB vi 64).

⁸ RIME 3/1: 78 (RIME.3/1.1.7.CylA xv 6–7).

⁹ RIME 4: 677–678 (RIME.4.12.2 9–16).

¹⁰ В литературе высказывалось предположение, что написание *Шушен* по-эламски подразумевало область Сузиану с городом Сузы, а *Шушун* – сам город Сузы (*Vallat F.* Les noms géographiques des sources suso-élamites [Répertoire géographique des textes cunéiformes = RGTC XI]. Wiesbaden, 1993. P. 270–271). Это предположение не оправдалось: эти написания применяются как взаимозаменяемые, в одних и тех же значениях (называя и город Сузы, и его область), и перебой гласного вызван только возможными переменами произношения и возможностями орфографической клинописной передачи соответствующего эламского гласного в данной позиции и через *-u-*, и через *-e-* (и, как следует ещё из одного варианта написаний, даже через *-a-*) шумеро-аккадской клинописи (*Krebernik M.* Philologische Aspekte elamisch-mesopotamischer Beziehungen im Überblick // *Babel und Bibel* 3 / Ed. L. Kogan et al. Winona Lake, 2006. S. 67–68, примеры; S. 68. Anm. 37).

ему семитский термин «Элам». Эламские субрегионы¹¹ объединялись устойчивой властью над ними эламских царей (и, в конечном счете, эламской культурно-языковой традицией). Самым западным из них была Сузиана с центром в одноимённых Сузах (то и другое – эламск. Шушен, Шушун, см. прим. 10; область была названа по городу), обычно игравших роль официальной столицы (откуда бы ни происходила правящая в Эламе династия и где бы она ни удерживала домен). На крайнем юго-востоке лежал Анчан, примерно совпадавший по территории с позднейшим Фарсом (его одноимённая столица, Анчан – совр. Тепе Мальян). Сузиана и Анчан были крайними и вместе с тем самыми крупными и значительными областями в Эламе. Особую область Элама с исхода III тыс. составляла т.н. Симашки¹² – южная окраина неэламского, собственно говоря, региона, именовавшегося в целом «Симашки» и «Забшали» (часто – «страны [в мн.ч.] Симашки / Забшали) и занимавшего обширную территорию, граничившую с исконным Эламом с севера и простиравшуюся от северного рубежа Анчана до «Верхнего моря» месопотамской терминологии, т.е. Каспия (или, что менее вероятно, озера Дарья-чейе-Немек). Забшали было отдельной областью этого региона, по которой он иногда мог именоваться целиком. То же самое, возможно, относится и к Симашки (см. ниже, прим. 15). Весь этот регион был заселён не эламитами, а иным народом, обозначавшимся в Месопотамии как «люди су» (эквивалентом этого выражения у месопотамцев было «симашкийцы»). Однако на исходе III тыс. правители какой-то области в составе региона Симашки/Забшали – области, лежавшей, несомненно, в южной, приэламской части этого региона, – утвердились на эламском престоле, соединив под своей властью все части Элама и добавив к ним свое исконное симашкийское владение, после чего их династия правила в Эламе и была отмечена в аккадо-язычном царском списке Элама из Суз (т.н. «табличка Шейля») нач. II тыс. как «симашкийская» (12 LUGAL.ME[Š] *Si-maš-ku!-ú₇* – «12 царей, симашкийцы»¹³). Их исконное симашкийское владение осталось в составе Элама и после смены их династии новой, и его территория фигурирует в титулатурах позднейших эламских царей как «Симашки» («царь Симашки и

¹¹ См. о них: *Vallat F.* Suse et l'Élam (Recherche sur les grandes civilisations, Mémoire 1). P., 1980; *Vallat F.* La géographie de l'Élam d'après quelques textes mésopotamiens // *Mésopotamie et Elam. Actes de la XXXVIème Rencontre Assyriologique Internationale [RAI XXXVI]* / Ed. L. De Meyer, H. Gasche. Ghent, 1991. P. 11–21; *Vallat F.* Les noms géographiques des sources suso-élamites. P. CIV–CXLV и в целом, с библиографией (отметим, что с нашей точки зрения конечные локализации Ф. Валла некоторых областей фантастичны, но приведённые и указанные им источники, а также обсуждаемые им локализации и сводки мнений, высказанных специалистами, исключительно важны); *Potts D.T.* The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State. Cambridge, 1999. P. 1–9.

¹² См. *Steinkeller P.* New Light on Šimaški and Its Rulers // *ZA.* 97. 2007. P. 215–232.

¹³ FAOS 7 317, l. 26.

Элама», «правитель Симашки, Элама и Суз», см. выше), а её первоначально неэламское население эламитизировалось¹⁴. Термин «Симашки» здесь употребляется, таким образом, в узком смысле слова, меньшем, чем тот, что покрывал весь регион Симашки/Забшали (а этот последний, более широкий смысл термина «Симашки» около того же времени утратил актуальность)¹⁵. Это эламское Симашки, как видно уже из тех же титулатур, составило ещё один субрегион Элама наряду с Анчаном и Сузианой¹⁶.

В общем направлении к северу от Шушен-Сузианы располагался Аван (примерно от Дизфуля в направлении Годин-тепе, к верховьям Керхе)¹⁷.

¹⁴ Ср. *Zadok R. Elamite Onomastics // Studi Epigrafici e Linguistici*. 1991. 8. P. 229; *Potts D.T. The Archaeology of Elam*. P. 141.

¹⁵ Тот факт, что эламское Симашки называлось тем же термином, что и весь регион Симашки/Забшали, можно объяснить двояко: 1) именно территория позднейшего эламского Симашки и называлась исконно «Симашки» в узком смысле слова, и по этой области весь включающий её ареал и мог называться «страны Симашки» (они же «страны Забшали»); 2) термин Симашки в узком смысле слова покрывал иную область или вовсе не имел такого смысла, то есть вовсе не употреблялся исконно для обозначения чего-либо иного, кроме всего региона Симашки/Забшали, а та часть этого региона, что вошла в состав Элама, получила название «Симашки» просто по принадлежности к этому региону.

¹⁶ О смысле и соотношении терминов «Забшали» и «Симашки» (в широком и узком смысле) и локализации соответствующих территорий позволяют судить формулировки из надписей царей III династии Ура (в одном тексте говорится о «симашкийцах, [населяющих] страны Забшали, лежащие от предела Анчана [Фарс – А.Н.] до Верхнего моря», причем в перечне этих стран значатся Сигриш, Нибулмат, Алумиддатум, Гарта, Шатилу и др.; в другом тексте речь идёт о «странах Симашки» [понимать: «страны, подчиняющиеся Симашки»?], причем приводится перечень этих стран: Забшали, Сигриш, Нибулмат, Алумиддатум, Гарта и Шатилу) и гимна Ишби-Эрры (где территория Элама специально описывается посредством определения его рубежей по осям «поперёк», т.е. с юго-запада на северо-восток, и «вдоль», т.е. с северо-запада на юго-восток, следующим образом: «от Башиме на берегу моря [Персидского залива] до рубежа Забшали, от Аравы, врат Элама, до рубежа Мархаши»), см. в целом *Vallat F. La géographie de l'Élam...* P. 12–13; *Vallat F. Les noms géographiques...* P. 242–243; *Potts D.T. The Archaeology of Elam*. P. 138, 141, всё – с библиографией. Мархаши лежало восточнее Анчана на территории Кермана – Белуджистана, см. *Steinkeller P. Marhaši // RLA*. 7. B., 1987–1990. P. 381–382; *Steinkeller P. New Light on Marhasi: and its Contacts with Makkan and Babylonia // JMS*. 1. 2006. P. 1–17. Отметим, что в описываемые в гимне Ишби-Эрры времена та область Симашки, что оказалась соединена с Эламом и вошла в него, уже находилась в составе самого Элама и была главной его частью, так что термин «Забшали» у Ишби-Эрры применяется как обобщающее название неэламского региона «Забшали/Симашки» за вычетом тех его территорий, что вошли в состав Элама, т.е. эламского Симашки.

¹⁷ См. *Hinz W. Elams Vertrag mit Naram-Sin von Akkade // ZA*. 1967. 24. S. 66. Anm. 5; *Stolper M. Awan // Encyclopaedia Iranica*. Vol. 3. N.Y., 1989. P. 113–114; *Vallat F. Les noms géographiques...* P. XXII–XXIV, 25–26; *Potts D.T. The Archaeology of Elam*.

Вероятно, как особый субрегион Аван к началу II тыс. перестал существовать¹⁸.

Пространство между Сузианой и Анчаном (к северу, северо-востоку и юго-востоку от Суз) было занято множеством мелких областей (в т.ч. с центром в Хухнури, совр. Таппе Борми¹⁹, с центром в Хидалу близ совр. Бехбехана²⁰, в Адамдуне/Адамшахе восточнее Суз и др.). В совокупности это пространство по сравнению с Сузианой и Анчаном составляло, так сказать, «прочий Элам» или «собственно Элам» (в узком смысле слова), и такое суженное значение термина «Элам/Халтамти», наряду с «Эламом» в самом широком смысле слова, бытовало у самих эламитов, как видно из упоминаний в эламских текстах «Халтамти/Элама» то в одном ряду с Симашки и Сузианой, то в одном ряду с Сузианой и Анчаном: лишь применяя и варьируя охват именно такого, суженного смысла термина «Элам», можно было бы получить значение «весь прочий Элам, кроме субрегионов, названных тут же отдельно», а именно в этом значении термин «Элам/Халтамти» и употребляется в эламских текстах в приводившихся выше сочетаниях «Симашки, Элам и Сузы», «боги Халтамти, боги Анчана, боги Шушен» (ср.: у Гудеа «Элам» упоминается как нечто отличное и от Анчана, и от Сузианы, и аналогично в надписи XX в. до н.э. из Дера речь идёт о войсках «Аншана, Элама и Симашки», см. выше). Действительно, издавна существуют предположения, что и месопотамское наименование «Элам», и его эламский эквивалент – эламское самоназвание «Халтамти» – изначально подразумевали прежде всего горные районы к северо-востоку – востоку от Сузианы²¹; и в самом деле, «Элам» по-аккадски значит «высокая

Р. 92–93. О достаточной близости центра Авана (город Аван, по которому и именовалась область) к Сузам говорит надпись Римуша, где сказано о пленении им враждебных царей на реке, «между Аваном и Сузами» (*Stolper M. Awan. P. 113–114*).

¹⁸ *Stolper M. Awan. P. 113*.

¹⁹ Об археологически выявленной идентификации Хухнури с Таппе Борми см. *Nasrabadī B.M. Eine Inschrift des Amar-Suena aus Tappeh Bormi (Iran) // ZA. 95. 2005. S. 161–71; Steinkeller P. New Light on Šimaški... P. 223*.

²⁰ О Хидалу и его районе см. *Duchêne J. La localisation de Huhnur // Fragmenta Historicae Elamicae: Mélanges offerts à M. J. Stève / Ed. L. de Meyer, H. Gasche, F. Vallat. P., 1986. P. 65–73; de Miroschedji P. La localisation de Madaktu et l'organisation politique de l'Elam à l'époque néo-élamite // Fragmenta Historiae Elamicae: Mélanges Offerts à M. J. Steve. P., 1986. P. 209–225; Stolper M. Hidali // Encyclopaedia Iranica. Vol. 12. N.Y., 2004. P. 308–309*.

²¹ Так, например, уже в *Weissbach F.H. Elymais // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2464* (автор предполагает, что области к северо-востоку от Сузианы – Элам в узком смысле слова), ср. *Jacobs B. Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III. Wiesbaden, 1994. P. 201; Hansman J.F. Elymais // Encyclopaedia Iranica. Vol. 8. N.Y., 1998. P. 373*.

= горная [страна]»²², что не подходит для района Суз и всей аллювиальной долины низовий Керхе-Каруна. О том же суженном значении термина «Элам» говорит и смысл его прямого производного эллинистической эпохи – хоронима «Элимея, Элимаида»: так называлось пространство к северу – северо-западу, северо-востоку и востоку от Сузианы, не включая ни её, ни Персиду-Фарс (т.е. бывшей Анчан), см. ниже²³. Можно предположить, что после того, как Аван перестал существовать в качестве особого региона, его территория (и вообще области северо-западнее и севернее Шушен-Сузианы) рассматривалась как часть этого же «эламского», в суженном смысле слова, пространства между Сузианой и Анчаном.

Как минимум с начала II тыс. до н.э. эламиты применяли для обозначения всей территории Эламского царства термин «Халтамти» (аккадск. эквивалент «Эламту», «Элам»), покрывавшее все вышеописанные территории²⁴. Этот «Элам» в широком смысле слова включал, таким образом, четыре субрегиона: а) Сузиану; б) Анчан; в) Симашки; г) пространство между Сузианой и Анчаном – так сказать, прочий Элам, включая, вероятно, территории бывшего Авана. Как мы видели, у терминов «Халтамти» и «Элам» существовал и более узкий смысл, покрывавший области к востоку – северо-востоку от Сузианы и не включавший её; этот смысл отвечал прежде всего пространству между Сузианой, Анчаном и эламским Симашки (откуда и употребление термина «Элам/Халтамти» для именованья чего-то отличного то от Сузианы, то от Симашки и Сузианы, то от Анчана и Сузианы, то от Анчана и Симашки, см. примеры выше), то есть как раз примерно тому пространству, которое мы выше обозначили как (г).

В изложенном территориальном объёме Элам существовал в кон. XXI – VIII вв. до н.э. (с точностью до недолговременных промежутков оккупации Суз тем или иным месопотамским правителем и «тёмных» времён возможного распада страны). Около исхода VIII в. до н.э. Анчан отделился

---

²² И аккадское *Elamtu*, и шумерский знак NIM, которым название Элама писалось по-шумерски, означают «верх, верхнее», так что речь должна идти не о низинной Сузиане, а о горах за ней. Отметим, что в литературе получила известное распространение теория Ф. Валла о том, что термин «Элам» был связан прежде всего с Анчаном, а не вообще с горным Эламом (*Vallat F. Les noms géographiques... P. CVIII f.*), однако едва ли это мнение правильно (*Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 8–9*); уже появление Анчана наряду и наравне с «Эламом» / «Халтамти» в шумероязычных надписях Гудеа и эламоязычных надписях Шилхак-Иншушинака (см. примеры выше, прим. 6–8) противоречит обсуждаемому предположению Ф. Валла.

²³ Ср. это, опять-таки, и с отличием «Халтамти» разом от Сузианы и от Анчана в вышеупомянутом перечне из надписи Шилхак-Иншушинака «боги Халтамти, боги Анчана, боги Шушен» (прим. 6), а также с отличием «Элама» и от Анчана, и от Сузианы в разных текстах Гудеа (прим. 7, 8).

²⁴ *Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 4–9.*

от прочего Элама в особую политику²⁵, а в 640-х гг. до н.э., во время или в результате нашествий ассирийского царя Ашшурбанапала на Элам (приведших к недолговечной аннексии территорий Элама – кроме, соответственно, Анчана, – ассирийцами), был аннексирован правителем персов Киром I из дома Ахеменидов²⁶ и с тех пор составлял часть политики персидских племён под началом этой династии. Поэтому с течением времени название Анчан вышло из употребления, заменившись распространившимся на его территорию названием «Парса» (Персия, греч. Персида). Эламское царство в объёме остальных своих субрегионов восстановило независимость при ослаблении Ассирии, в конце 630-х – середине 620-х гг. На исходе VII в. оно подпало под верховную власть Мидии. В конце 590-х гг. вавилонский Навуходоносор II разгромил этот подвассальный Мидии Элам и отнял у него Сузиану, находившуюся с тех пор в составе Вавилонии; Эламское царство продолжало существовать в качестве мидийского вассала к востоку от аннексированных Вавилонией территорий и к западу от владения Ахеменидов (также подвассального Мидии). Под 546 г. этот Элам упоминается как «страна Эламмия» в вавилонской хронике²⁷, а в 539 г. выступал как вассал теперь уже Кира II персидского в его нашествии на Вавилонию (это следует из Ис. 22:6). В какой-то момент вслед за тем Кир, получив с аннексией Вавилонии Сузиану, перенёс в Сузы свою административную столицу (что фактически и отразилось у Страбона в процитированном выше пассаже XV.3.2, см. ниже о реальном хронологическом соответствии его сообщению об этом переносе), а в связи с этим, очевидно, упразднил Эламское царство и слил его с Сузианой в одно наместничество²⁸, известное нам по Геродоту: «Из Сус и остальной Киссии

²⁵ Это видно из того, что в анналах Синаххериба Анчан, Парсуаш (область персидских племён севернее Анчана), Пашеру и Эллипи (северо-западнее Элама) выступают как страны-союзники страны Элам и её царя (RINAP 3/1: 182 [RINAP 3/1.22 v 43 ff.]).

²⁶ Или ещё несколько раньше его отцом Чишпишем, если верить титулатуре Кира II на знаменитом «Цилиндре Кира» (ХИДВ 2: 20), где отец Кира Камбиз I, дед Кир I и прадел Чишпиш одинаково названы «царями Аншана».

²⁷ ABC 7 (Хроника Набонида) ii 21–22, см. *Немировский А.А.* Вавилоно-эламские отношения в первой половине – середине VI в. до н.э. и начальная глава Книги Юдифь: к вопросу об истоках формирования сюжета Юдифь 1:1–16 // *Studia historica*. Вып. XI. М., 2011. С. 43 и прим. 37.

²⁸ О перипетиях судьбы Элама после ассирийского разгрома в середине 640-х гг. до н.э. см. *Немировский А.А.* Вавилоно-эламские отношения... С. 38–46. К 522 г. до н.э. Эламского вассального царства, во всяком случае, уже не существовало, так как Дарий в Бехистунской надписи заявляет о восстании Элама против персов в этом году: «Когда я убил Гаумату-мага, то один человек, по имени Ассина, сын Упадармы, восстал в Эламе. Он говорил народу: “Я – царь Элама”. Тогда эламиты взбунтовались, перешли к этому Ассине; он стал царём в Эламе» (пер. В.И. Абаева,

поступало 300 талантов. Это – восьмой округ» (Ш.91). Персидские надписи выделяют это же пространство между Вавилонией и Парсой-Персидой как историческую область (*дахья*) под названием *Ūja* – название неясного происхождения (см. ниже, прим. 37), от которого, вероятно, и образовано позднейшее персидское «Хуз, Хузистан» (по соотношению с этим термином реконструируется не выписывавшееся персами, по обыкновению, начальное *H-* в только что упомянутом названии, записывавшемся по-древнеперсидски как *Ūja*).

Для античной традиции эллинистической эпохи характерно, напротив, то, что она это же самое пространство – персидскую (*H)ijā ~Худжу* – ни как единое целое, ни как осколки былого единого целого не воспринимала. Как мы сейчас увидим, она знает на территории Юго-Западного Ирана четыре независимые друг от друга области с разными именованиями (Сузиану, Элимею-Элимаиду, Уксию и Персиду), и хотя эламцы делили ту же территорию на примерно те же территориально четыре субрегиона именно как на четыре субрегиона Элама, эллинистическая античная традиция взаимосвязи между ними не замечает ни в настоящем, ни применительно к прошлому, и видит в их населении четыре разных соответствующих народа (сусийцы/киссии, элимеи, уксии, персы). Понятно, что о доперсидской эламской принадлежности былого Анчана античным авторам знать было неоткуда: для них эта территория – Парса-Персида – должна была представляться просто исконной страной персов. Однако эллинистическая учёность не отдавала себе отчёта и в историко-политическом единстве прочих эламских территорий, составлявших Эламское царство VII в. до н.э. и отвечавшую ему персидскую сатрапию Уджа последней трети VI в. до н.э. и позднее. Современники Александра при описаниях его похода (их сведения дошли до нас через Арриана, Диодора и Курция Руфа) выделяли на юго-западе Ирана вдоль маршрута Александра между Персидой и Вавилонией три этнотерриториальных единства: основную часть Сузианы с центром в Сузах; к юго-востоку от неё, за р. Карун-Паситигр – территорию неких равнинных уксиев (Οὔξιαι; название явно отражает тот же термин, что персидское ^(h)*Ūja*²⁹), также подчинявшуюся сатрапу Сузианы; и, наконец,

---

ХИДВ 2:25). Здесь рисуется попытка восстановления в Эламе местной царской власти, а не мятеж уже существующего в Эламе вассального царя. Между тем в промежутке между 540 и 522 гг. до н.э. самым подходящим моментом для превращения Эламского царства в часть наместничества с центром в Сузах было бы как раз превращение Суз Киром II в свою административную столицу после победы над Вавилонией.

²⁹ На эту связь указал уже Т. Нёльдеке (*Nöldeke T. Griechische Namen Susiana's // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften, und der Georg-August Universität zu Göttingen. 1874. S. 184; ср. Krebernik M. Philologische Aspekte... S. 71–72*).

автономную область горных уксиев, чья страна вдается на юг между равнинными уксиами и Персидой (Arr. Anab. III.17; Curt. V.3.1, 3, 16). Авторы эпохи эллинизма, начиная с тех же современников Александра, прежде всего Непарха (их информация детально представлена у Страбона, менее подробно – у Плиния Старшего и Птолемея), уточняют эту картину, не меняя её сути. Между Вавилонией и Персидой они по-прежнему видят три этнотерриториальных единства:

– Сузиана / Сусида;

– подковообразно охватывающая Сузиану с северо-запада, севера, северо-востока и востока³⁰ Элимея – Ἐλυμαία / Элимаида – Ἐλυμαῖς (название, явно воспроизводящее семитское «Элам»³¹) – страна народа элимеев (Ἐλυμαῖοι)³², делящаяся на две части: горная Элимея к северо-западу, северу и северо-востоку от Сузианы, равнинная Элимея к юго-востоку от Сузианы (Strabo XVI.1.18). Равнинная Элимея отвечает области равнинных уксиев в описаниях похода Александра; к территории горной Элимеи применяется у Птолемея название «Халтапитида»³³, несомненно воспроизводящая эламское «Халтамти»³⁴ (эквивалент семитского «Элам»; связь термина «Элимея / Элимаида» с термином «Элам» тем самым подтверждается дополнительно). Начиная с Непарха античные авторы говорят о горном разбойничьем народе «элимеев» (Strabo XI.13.6), подразумевая, как видно, население горной Элимеи³⁵;

---

³⁰ О таком географическом расположении Элимеи / Элимаиды подробно см. *Немировский А.А.* Юго-Западный Иран эллинистическо-парфянской эпохи в античных источниках и наследие Элама: некоторые вопросы исторической географии // *Studia historica*. Вып. IX. М., 2009. С. 73–80.

³¹ *Weissbach F.H.* Elymais. Sp. 2459.

³² Все три термина – Ἐλυμαία, Ἐλυμαῖς и Ἐλυμαῖοι – употреблены, например, в Strabo XVI.1.18.

³³ Ptol. VI.134: «Элимеи обитают на морском побережье Сузианы... над элимеями лежит Киссия [область Суз], над ней – Халтапитида»; Киссия здесь – Сусида Страбона и большинства авторов, элимеи – жители именно равнинной Элимеи, а Халтапитида лежит северо-восточнее области Суз, т.е. отвечает горной Элимее. Птолемевская же «Сузиана» покрывает всё пространство между Вавилонией и Персидой (*Немировский А.А.* Юго-Западный Иран... С. 67–70).

³⁴ Как замечено уже в: *Weissbach F.H.* Chaltapitis // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2099.

³⁵ См. *Немировский А.А.* Юго-Западный Иран... С. 48 слл. Отметим, что Ф. Вейсбах (*Weissbach F.H.* Elymais. Sp. 2458), исходя из усматривавшихся им противоречий в употреблении античными авторами термина «Элимея/Элимаида», предполагал, что этот термин и по смыслу прямо воспроизводит древнее «Элам» в широком смысле слова и исходно покрывал ту же территорию, что и «Сусида/Сузиана» в широком смысле слова – всё пространство эламского округа

– Уксия (греч. Οὔξια), горная страна, область горного разбойничьего народа уксиев (греч. Οὔξιοι), граничащая с Персидой; от Сузианы-Сусиды её отделяет Элимея (Ἐλομαία³⁶).

Детальный анализ географических сведений этой схемы (сообщений о дорогах, городах, реках и горах всех указанных территорий) однозначно показывает, что изложенное деление точно воспроизводит исконное эламское деление на регионы, причём (не говоря уже о соответствии Персиды Анчану) Сусида-Сузиана соответствует эламской области Суз – Шушун/Шушен, Уксия – эламскому Симашки³⁷, а Элимея / Элимаида

Ахеменидов, (*Худжи*), – а употребление этих терминов наряду друг с другом для обозначения разных частей этого пространства (как у Страбона: Элимея-Элимаида – восточный сосед Сусиды) является поздним и искусственным. Анализ античных сведений показывает, что это не так (*Немировский А.А. Юго-Западный Иран... С. 48–53, 65–73*): элимеи / Элимаида-Элимея с самого начала вводятся античными авторами, начиная с Непарха (Strabo XI.13.6), как особый ареал, соседящий с областью Суз (в узком смысле слова) с востока и не включающий Сузы. Такое употребление терминов «элимеи», «Элимея», «Элимаида» безраздельно держится веками. Как раз причисление Суз к Элимаиде – намного более позднее явление, вызванное тем, что царство Элимаида включало в себя с некоторого времени этот город, и у некоторых авторов географическая номенклатура вполне естественно подстроилась под реальные политические границы. «Элимея-Элимаида», таким образом, отвечает не былому «Эламу/Халтамти» в широком смысле слова, а «Эламу/Халтамти» в суженном смысле слова – пространству восточнее Сузианы, между ней, эламским Симашки и Анчаном.

³⁶ См. сводки античных сообщений в *Немировский А.А. Юго-Западный Иран... С. 48 слл., 65 слл.*

³⁷ Выявляемое по античным сообщениям географическое положение Уксии и отличие Уксии и уксиев от Сузианы и её жителей у историков Александра и Страбона (вместе с его эллинистическими предшественниками) практически не оставляют в этом сомнений. Само название уксиев ещё Т. Нёльдеке в 1874 г. соотнёс с персидским именованием Элама, пишущемся в персидской клинописи, как упоминалось, *Ūja* (см. выше, прим. 29); по соотнесению с позднейшим персидским и арамейским *Хуз-* для обозначения той же территории в этом названии реконструируется невыписываемое начальное *Н-*. В недавней фундаментальной монографии по эламской истории по недоразумению соотнесения греческого Οὔξιοι с написанием *Ūja* и формой вида *Huz-* рассматриваются как две альтернативные гипотезы (*Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 350 f.*), в то время как на деле речь идёт о возведении к одному и тому же иранскому слову. В трёхязычной надписи Шапура I (т.н. надписи на Каабе Зороастра) на среднеперсидском, парфянском и греческом языках парфянскому «Хузестан» (*hwzstn*) отвечает по-гречески *Οὐ[ζ]ηνή* – «Хузэна» (среднеперсидское написание слишком повреждено); этот термин возводится, как и термин «уксии», к тому же древнеперсидскому (*х*)*удж/хуз-* (*Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 415, с библиографией*). Поскольку Хузестан – это территориально эламский ареал с центром

соответствует (как территориально, так и по этим названиям, а также по прилагаемому к её части названию «Халтапитида») – Эламу/Халтамти в суженном смысле слова³⁸. То, что в эллинистический период продолжало сохраняться в прежнем виде двухтысячелетнее деление Юго-Западного

в Сузах, М. Креберник предполагает, что весь куст терминов *Ūja*, *Oῦξιοι*, *Hūz* восходит к названию самого города Сузы, а поскольку по-древнеперсидски последнее пишется совершенно иначе, чем *Ūja*, а именно *Çūšā* (что отвечает эламскому и семитскому *Шуш-*), М. Кребернику остаётся считать, что *Ūja* является более ранней или иной диалектальной формой того же слова, что *Çūšā* (*Krebernik M. Philologische Aspekte... S. 71–72*). Согласиться с этим предположением, самим по себе произвольным, нельзя уже потому, что все греческие авторы, говорящие об уксиях, как раз противопоставляют их (будь то равнинные или более известные горные уксии) и их область, горную Уксию, Сузиане в узком смысле слова и её населению и локализуют уксиев и Уксию то в одной, то в другой форме вне собственно области Суз (по схеме историков Александра за Паситигром начиналась область равнинных уксиев, которая так же, как и собственно область Суз до Паситигра, подчинена сатрапу Сузианы, за ними же обитают автономные горные уксии; Страбон на месте равнинных уксиев знает равнинных элимеев, его уксии отвечают горным уксиям историков Александра, тех и других он отличает от области Суз и её населения), что было бы очень трудно объяснить, происходи сам термин *уксии* от названия города Суз. В одной и той же надписи Дария I из Суз о сооружении дворца в этом городе его название пишется *Çūšā*, персидское название Элама рядом – как обычно, *Ūja* (надпись Darius Susa F., ll. 56 и 46), что также трудно примирить с предположением о том, что это две разные персидские формы одного слова. Тот же факт, что эламский регион с центром в Сузах именовался по-персидским таким-то словом, никак не побуждает производить это слово от названия Суз, имеющего с ним общего только огласовку. Предложим иное объяснение, обратив внимание на то, что Уксия находилась на северо-востоке – востоке от Сузианы, т.е. с той самой стороны, с которой на Элам в целом (и на его столичную область Сузиану, и на Элам в суженном смысле слова к востоку и северу от нее) должны были смотреть персидские племена в VIII – середине VII вв. до н.э., когда соседили с Эламом в целом с северо-востока, обитая у границ Анчана и ещё не занимая последнего. Если название вида *(х)удж-/укс-* было связано прежде всего с населением и/или территорией эламского субрегиона, лежавшего как раз между главными областями Элама (от которого к 700 г. до н.э. ещё и отделился Анчан, см. выше) и коренным ареалом персов, – а именно такая картина следует из античных сообщений об уксиях/Уксии, – то не было бы ничего удивительного в том, чтобы персы, которые из всех регионов Эламского царства должны были бы познакомиться прежде всего именно с этим субрегионом (и с Анчаном), и назвали бы по нему всю территорию Эламского царства (причём именно по нему, а не по Анчану, поскольку тот отделился от прочего Элама уже к 700 г., а потом стал владением самих персов). По нашему мнению, это наиболее вероятное объяснение предположительного общего корня греческих терминов *уксии/Уксия*, относящихся к определённым областям вне Сузианы, с персидским *Ūja*, называющие весь Элам (кроме Анчана, ставшего Персидой) с центром как раз в Сузах.

³⁸ *Немировский А.А. Юго-Западный Иран... С. 81–84*

Ирана на регионы, удивлять нас не должно – не произошло ничего такого, что могло бы сломать и заменить это членение³⁹. Примечательно, однако, что неоднократно упоминающий все эти области и их население Страбон (а значит, и его источники) не даёт ни намёка на то, что они ранее образовывали какое-либо единство. Сусида и её жители, элимеи и их страна, уксии и их страна по изложению Страбона – совершенно разные, не связанные друг с другом этнотерриториальные единства. И, можно не сомневаться, дело тут не в том, что Страбон просто не упомянул их связи: ведь о древней «героической эпохе» независимости страны с центром в Сузах – т.е. в действительности истории всего Элама – он говорит в вышеприведённом пассаже XV.3.2 специально, но при этом только и именно применительно к своей «Сусиде» (строго отличаемой им от Элимеи/Элимаиды и Уксии, о которых идёт речь в иных пассажах). Таким образом, имеющееся у Страбона представление о древней истории реального Элама он связывает только с областью Суз, исключая из этой истории, вопреки истине, остальные эламские субрегионы. Былое единство этих субрегионов с Сусидой этой схемой не просто обходится молчанием, но имплицитно отрицается; область же, носящая название, прямо воспроизводящее былое «Элам» – Элимея / Элимаида, – отсекается от реальной истории Элама (времени «героев», когда страна со столицей в Сузах была независима), переданной исключительно Сусиде. С этим полностью перекликается употребление термина «киссии» в том же пассаже Страбона: у него это полный синоним «сусийцев» как жителей «Сусиды» в узком смысле слова, отличных от элимеев и уксиев, в то время как у Геродота (III.91 и др.) «киссиями» назывались эламиты вообще, жители всего пространства между Вавилонией и Персидой (то есть равно киссии, элимеи и уксии Страбона и эллинистической традиции), хоть и имеющего центром те же Сузы, см. ниже.

Итак, эллинистическая традиция, с одной стороны, имеет общее представление о древней истории Элама, и принятое в ней членение Юго-Западного Ирана на страны отвечает исконному эламскому членению своей страны на субрегионы, а с другой стороны, она игнорирует былое единство этих субрегионов в составе Элама и связывает его историю только с одним из этих субрегионов – Сусидой. Как могла получиться эта парадоксальная картина? Откуда античная традиция рубежа эр вообще могла получить какие-то сведения о древней, независимой истории Элама? На чём с точки зрения античных учёных эта история обрывалась? Страбон ведь говорит о

---

³⁹ Основы его сохранялись и в следующие тысячелетия: географически провинция Хузистан весьма точно отвечает совокупности Сусиды и Элимеи, а провинция Бахтиари – область горных, традиционно описываемых как «разбойничьи», племен бахтиаров – горной стране Уксия и её разбойничьему горному народу уксиям. В самих бахтиарах следует видеть результат иранизации этих уксиев.

нескольких больших державах, включая основанную Киром, в которые «Сусида» (на деле это сообщение относится к Эламу как таковому) уже входила как провинция по окончании своей «героической», независимой эпохи (см. выше); что это были за державы, помимо державы Кира? И, наконец, почему эпоху независимости «Сусиды» (resp. Элама) Страбон называет именно героической, временем «героев»? Так именуется ведь вовсе не всякое прошлое. Таковы вопросы, которые ставит перед нами цитированный выше пассаж Страбона.

Первые сведения о составе и истории Элама дошли до греческой учёности (несомненно, через информаторов из Ахеменидской державы) ещё в конце VI – первой половине V вв. до н.э. Геродот говорит обо всей территории Элама между Вавилонией и Персидой как об одном этногеографическом ареале (образующем VIII персидскую сатрапию), населённом народом «киссиев» и имеющем центром Сузы (Hdt. III.91: «Сузы и прочая Киссия» – восьмой округ державы Ахеменидов; ср. именование той же территории с центром в Сузах Киссией в V.52⁴⁰ и страной киссиев в V.49;

---

⁴⁰ Сообщение Геродота в V.52 о том, что царская дорога идёт по Матиене за Гинд-Диялу с северо-запада, а потом по Киссии до Хоаспа и Суз на протяжении 40 с лишним парасангов («Затем путь идёт [из Матиены, граничащей с Киссией, по тому же пассажи Геродота, где-то юго-восточнее Гинда-Диялы] в страну Киссию, где на расстоянии 42 1/2 парасангов находятся 11 стоянок до реки Хоаспа, которая также судоходна. На ней лежит город Сусы»; парасанг насчитывает условно ок. 5,5 км) не даёт, конечно, точно определить протяжение этого пути по прямой, но во всяком случае показывает, что Киссия включала гористые области к северу – северо-западу от Суз, см. *Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 339.* Это, однако, не означает, вопреки словам Д. Поттса здесь же, что Киссия не совпадает с «Сузианой» – здесь всё зависит от того, какое протяжение на север приписывалось самой «Сузиане» тем или иным автором. С «Сусидой» Страбона Киссия Геродота действительно не совпадает уже потому, что простирается до границ Персиды, то есть включает и Сусиду, и Элимею, и Уксию Страбона. Территории Геродотовой Киссии к северо-западу от Суз по меньшей мере частично покрываются горной Элимеей, а не Сусидой Страбона, см. *Немировский А.А. Юго-Западный Иран... С. 48–53* и карта на с. 53. Но дело в том, что у Страбона и «киссии» не совпадают с «киссиями» Геродота по охвату: у Страбона «киссии» – это полный синоним жителей его Сусиды, XV.2, так что речь на деле идёт не о том, что некая «Киссия» вообще не совпадает с «Сузианой» вообще, а о том, что в конце VI в. до н.э. и у Геродота «Киссией» называлось всё пространство с центром в Сузах между Вавилонией и Персидой, а у Страбона и каких-то других эллинистических авторов термины «киссии» и «Сусида» равно относились лишь к части этого пространства, при этом «киссиями» у Страбона называются именно жители его «Сусиды». Термин «киссии» у Эсхила и Геродота также теснейшим образом ассоциируется с городом Сузы, – на Эсхила в своей фразе о киссиях и ссылается по имени Страбон, – так что самой вероятной представляется такая интерпретация: с самого начала «киссиями» у греков называлось население историко-географического ареала, имеющего центром Сузы и, соответственно, часто определяющегося по Сузам. Эта смысловая связка сохранялась и далее, просто в

см. тж. VII.62, 86, 210; киссии выступают как народ Суз с округой и у Эсхила в 470-х гг. до н.э., Pers. 119 sq. и др.). Киссии у Геродота, таким образом, обозначают эламитов в целом – всё население ахеменидской *дахья* и сатрапии *Ūja* – Элама с центром в Сузах⁴¹. Происхождение греческого термина *киссии* неизвестно⁴². Нет оснований, однако, думать, что за этим стоит какое-то знание о прошлом Элама (ср.: при описании завоеваний Кира Геродот ни Суз, ни киссиев не упоминает; Сузы в его труде выступают просто как столица царей-Ахеменидов): вполне достаточным основанием для такой картины являлось бы само членение Ахеменидской державы на округа-сатрапии (а Элам в обсуждаемом объёме выделялся персами и как «историческая область»-*дахья* (*H)ūja*, и как сатрапия), а именно в связи с этим членением Геродот область киссиев с центром в Сузах и упоминает. Согласно Hdt. V.49 (здесь Аристагор говорит о той же территории как о земле киссиев), область народа киссиев с центром в Сузах греки выделяли уже во времена Гекатея Милетского и «карты Аристагора Милетского», к концу VI в. до н.э. – речь идёт, как видим, о сведениях ионийских греков, почерпнутых из того же членения державы Ахеменидов (включавшей их самих), которое использует позднее Геродот. Геродот называет Сузы «Мемноновым городом» (V.54; VII.151; аналогично Эсхил именует мать Мемнона Киссией, см. выше и Strabo XV.3.2), однако тут речь идёт не о

зависимости от охвата самого ареала, определяющегося по Сузам, мог меняться и охват понятия «киссии» (у Страбона охват обоих понятий – «Сусида» и «киссии» – совпадает, но при этом меньше, чем у Геродота), а потом получавшиеся разные охваты понятий «Сусида/Сузиана» и «киссии/Киссия» могли комбинироваться (как у Птолемея, у которого «Киссия» – лишь одна из частей его «Сузианы», Ptol.VI.134, поскольку Птолемея «Киссия» совпадает территориально с «Сусидой» Страбона, а Птолемея «Сузиана» – с «Киссией» Геродота).

⁴¹ Дополнительное подтверждение этого см. в: Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 351 о параллелизме перечисления у Геродота персов, мидян и киссиев первыми в ряду народов Персидской державы в VII.61–62 с перечислением подряд Мидии, Персиды и (X)уджи-Элама в надписях Ахеменидов.

⁴² Предлагалось две этимологии (см. Potts D.T. The Archaeology of Elam. P. 340 [ср. 374] с библиографией): от возможного мидийского (или ещё какого-либо?) коррелята персидского термина (*H)ūja* либо от названия касситов – северо-западных соседей эламитов, которые вполне могли включаться в эламскую сатрапию с центром в Сузах и по которым, соответственно, кто-то мог бы теоретически назвать всё население этой сатрапии (известное нам аккадское название касситов – *kaššu*, но по-мидийски, по-арамейски или по-персидски данное слово могло звучать и с иной огласовкой – всё это открывало бы самые разные пути к появлению в греческом термине *-i-* по сравнению с аккадским *-a-*. Касситы как таковые упоминаются по-гречески эллинистическими историками как *коссеи*, однако разное время, пути и источники усвоения греками их названия вполне могло привести к тому, что оно употреблялось греками с разного времени в разных формах с разным смыслом, без осознания того, что слова *киссии* и *коссеи* восходят к одному и тому же этнониму).

каких-либо сведениях по истории Элама, а о подключении сведений о современном Геродоту Сузском округе к греческому легендарному. Это подключение говорит как раз о том, что о древней истории Суз/Элама греческая традиция сведений ещё не имела и заполняла соответствующую пустоту деталями, взятыми из греческой мифологии.

Первые сведения именно по истории Элама появляются, по-видимому, в «Киропедии» Ксенофонта – сочинении, конечно, очень далёком от исторической достоверности. С реальностью прошлого Ксенофонт, при малейшей литературной надобности, считается крайне мало, однако он всё же включает в свой исторический роман многие элементы подлинной исторической канвы VI в. до н. э., вплоть до достаточно специальных (вроде важной роли особого Армянского царства в составе Мидийской державы и державы Кира⁴³). Сообщения «Киропедии», если они не согласуются с независимо известными данными, принимать как восходящие к каким-то реальным фактам прошлого нельзя, но при наличии такого согласования они могут с осторожностью привлекаться именно в таком качестве. В связи с этим нужно указать на два момента.

Во-первых, в «Киропедии» (Суг. V.1.3 и далее) сообщается, что во времена Кира область Суз (для которой Ксенофонт придумал правителя Абрадата) перед тем, как перейти в руки Кира в результате его войны с «ассирийцами» (т. е. вавилонянами⁴⁴), именно этим «ассирийцам» (вавилонянам) и принадлежала и была завоёвана у них Киrom. Это отвечает реальной истории Сузианы, которая в конце 590-х – 539 гг. до н.э. действительно принадлежала Вавилонии и именно у нее была отобрана Киrom, см. выше. Согласно Ксенофонту (Суг. V.1.3; VI.3.35), Абрадат был правителем Суз под началом вавилонян, а после завоевания Суз Киrom в ходе войны Кира с Вавилонией остался царём Суз под покровительством Кира, причем всё это в рамках схемы Ксенофонта, у которого все свои завоевания Кир проводит под верховной властью вымышленного мидийского царя Киаксара (II), сына Астиага, происходит в правление этого Киаксара. Сказанное побуждает думать, что вымышленная фигура Абрадата отражает какие-то дошедшие до Ксенофонта сведения о наличии подвассального Мидии, а потом Киру Элама с собственными династиями на момент прихода Кира к власти и позднее (в действительности эти династии правили как раз вне Сузианы, подвластной вавилонянам, однако у

---

⁴³ См. *Дьяконов И.М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 350 слл.; *он же.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 183–187.

⁴⁴ Вавилонию Ксенофонт именуется вслед за греческой и, частично, вероятно, арамейско-ахеменидской канцелярской традицией «Ассирией». Ср. в надписи Дария I из Суз о строительстве дворца народы «вавилонян» (*Bâbiruviya*) и «ассирийцев» (*Athuriya*) различаются, но при этом именно «ассирийцы» доставляют строительные материалы в Вавилон (надпись Darius Susa F: 28–35).

Ксенофонта представлено контаминированное и беллетризованное отражение этой картины, приуроченное именно к Сузиане. В результате его автономная Сузиана Абрадата оказывается вассалом и Вавилонии – сначала, и Мидии и Кира – потом, в то время как в реальности описываемого Ксенофонтом периода Сузиана была подвластна Вавилонии, а особое Эламское царство вне Сузианы – Мидии и Киру).

Во-вторых, согласно «Киропедии», в VI в. до н.э. имели место две войны Вавилонии с Ираном: одна представляла собой ранний и не получивший развития конфликт при Астиаге (Суг. I. 4. 16–25), а вторая была осуществлена по смерти Астиага, и именно в ходе неё Кир завоевал Вавилонию (Суг. I. 5 – VII. 5). Эта последняя война отвечает, таким образом, войне Кира с Набонидом в 539 г. до н.э. (хотя у Ксенофонта она очень растянута по сравнению с реальностью, не говоря о других вымыслах). Предыдущий же, первый конфликт Ксенофонт описывает так: в то время существовала некая «пограничная область» между вавилонским и мидийским царствами, принадлежавшая при этом Мидии. Она лежала в запустении после некоей случившейся в ещё более давнем прошлом войны (между кем и кем – не указано, и говорится об этой войне вскользь, так что она в любом случае не связана с отношениями и счётами выведенных Ксенофонтом здесь сторон, т. е. Мидии и Вавилонии⁴⁵). Сын вавилонского царя хотел сначала вступить в обсуждаемую приграничную область Мидии, чтобы поохотиться там, но решил вместо этого разграбить её, что и осуществил, опрокинув пограничные мидийские посты. Астиаг выступил в ту же область, к своим рубежам, вместе со своим сыном-царевичем, Киром и прочими соратниками и дал вавилонянам («ассирийцам») приграничное сражение, окончившееся, в общем, вничью: конница мидян опрокинула конницу вавилонян, но остановилась перед вражеской пехотой, «опасаясь засады», после чего «Астиаг повернул своё войско назад». Инцидент этот не получил, по Ксенофону, никакого развития. Следующая война, повторим, имела место уже после смерти Астиага, и в ней Кир завоевал Вавилонию.

Рассматриваемую историю о раннем мидийско-вавилонском конфликте Ксенофонт расцвечивает множеством подробностей и использует для прославления юного Кира: автор делает Кира участником вышеупомянутого приграничного сражения, совершившим практически всё, что вообще было в нём успешного для мидян. Но выдумал ли Ксенофонт само ядро этого сюжета от начала до конца? Сравнение с подлинной историей заставляет считать, что нет: в конце 590-х гг. до н.э. Навуходоносор вторгся в Элам, подчинявшийся в то время Мидии и занимавший как раз важный

⁴⁵ «...сын ассирийского (= вавилонского. – *А.Н.*) царя... прослышал, что в пограничной области, разделявшей «ассирийское» (= вавилонское. – *А. Н.*) и мидийское царства, водится множество непуганой дичи – со времени недавней войны там никто не охотился» (Суг. I. 4. 16, пер. В. Г. Боруховича)

сегмент пограничья Мидийской державы с Вавилонией; Навуходоносор разгромил противника (захватив Сузы), однако не завоевал весь Элам, продолжавший и дальше существовать в составе Мидийской державы как её край, пограничный с Вавилонией; этот конфликт продолжения не получил⁴⁶. В 640-х гг. до н.э. Элам был катастрофически разорён ассирийцами и с тех пор так и не оправился до конца. Всё это перекликается с рассказом Ксенофонта о первом, не получившем развития мидийско-вавилонском приграничном конфликте в некоей приграничной мидийской области, опустошённой какой-то случившейся ещё ранее войной, и побуждает предполагать, что за этим рассказом стоит вторжение вавилонян в Элам в конце 590-х гг. до н.э.⁴⁷; за описываемой Ксенофонтом пограничной областью стоит в действительности Эламское царство, а запустение этой области в некоей ещё более давней войне надо соотносить с крушением Элама в 640-х гг. до н.э. под ударами ассирийцев.

Все эти отголоски реальных событий истории Элама могли дойти до Ксенофонта, по всей вероятности, только от неких его переднеазиатских информаторов.

В вышеприведённых сюжетах обращает на себя внимание следующее. Тó, за чем в действительности стоит в конечном счёте Эламское царство VI в. до н.э., в изложении Ксенофонта предстаёт просто приграничной областью Мидии; никакого собственного правителя Ксенофонт здесь не видит (хотя вообще местных правителей в составе Мидийской державы упоминает, в т.ч. вымышленного сузского Абрадата при местном же правителе Кире и вымышленном мидийском Киаксаре II, и некоторые из этих местных правителей играют в его повествовании ключевую роль). Зато некоей автономной, имеющей собственного правителя областью он рисует Сузиану середины VI в. (сначала, по Ксенофону, под властью Вавилонии, потом – под верховенством Кира и, согласно Ксенофону, Мидии, т.е. вымышленного мидийского сюзерена Кира – Киаксара II), причём о вавилонской власти над Сузианой на момент войны Кира с Вавилонией Ксенофонт как раз знает. Реально в VI в. таким автономным владением был подвассальный Мидии, а потом Киру Элам, продолжавший существовать за пределами доставшейся вавилонянам Сузианы, но Ксенофону неизвестный, – на его месте Ксенофонт изображает просто пограничную область Мидии. С нашей точки зрения, в таком распределении сюжетных элементов у Ксенофонта сказывается то же самое «перенесение» истории всего Элама в

⁴⁶ См. *Немировский А.А.* Вавилоно-эламские отношения... С. 38–45.

⁴⁷ В этом случае получается, что конфликт, в действительности имевший место в конце правления мидийского Киаксара (ум. в 585 г. до н.э.), Ксенофонт связывает с началом правления его преемника Астиага, но это было бы и неудивительно: подобные смещения и видоизменения исторических реалий осуществляются им в «Киропедии» массово.

целом специально на Сузы и их округу, которое мы наблюдаем у Страбона и которое должно было присутствовать у используемых Страбоном эллинистических авторов. В самом деле, момент, который был связан с Эламом вне отошедшей к вавилонянам Сузианы, – автономное существование при своих местных правителях в середине VI в., при мидийских царях и Кире, – у Ксенофонта перенесён именно на Сузиану, а об Эламе вне Сузианы он вообще ничего не знает, для него этот Элам оказывается поглощён мидийской территорией. Аналогичным образом эллинистические авторы и Страбон связывают былую историю независимого Эламского царства именно с Сузианой, а о том, что территории к востоку от нее (как раз и составлявшие предахеменидский Элам середины VI в. до н.э.) имеют не меньшее отношение к той же истории и составляли с Сузианой единое целое, которому эта история и принадлежит, не подозревают.

Таким образом, обсуждаемое стягивание событий реальной истории всего Элама к истории одной Сузианы с отрывом от этой истории прочих эламских субрегионов намечилось в греческом восприятии, по-видимому, уже в начале IV в. до н.э. у Ксенофонта и достигло полного развития в эпоху эллинизма. Как мог получиться этот сдвиг, особенно на фоне того, что у Геродота всё пространство между Вавилонией и Персидой, т.е. и Сузиана, и области к востоку от нее, как раз воспринимаются как единое этногеографическое целое с центром в Сузах (Киссия, точно отвечающая персидскому *Ūja* – Эламу)? При нынешнем состоянии источников уверенно ответить на этот вопрос нельзя, однако некоторые гипотезы на сей счёт можно построить, обратив внимание на следующие обстоятельства.

1) И у Геродота, и у Страбона отражена жёсткая связка понятия «киссии/Киссия» с понятием об области с центром в Сузах, просто у Геродота оба понятия относятся ко всему ахеменидскому Эламу / *Ūja* (собственно, те же границы Элам имел и в конце VIII – начале VI вв. до н.э.⁴⁸), а у Страбона – лишь к сравнительно небольшой западной части этого пространства с центром в тех же Сузах (см. выше). Создаётся впечатление, что некое представление о «стране киссиев с центром в Сузах» (которое и отвечало исконно историческому Эламу), появившееся у греков к концу VI в. до н.э. (как видно из его отражения на «карте Аристагора»), и далее сохранялось в греческой традиции как таковое, но изменилось по территориальному охвату, покрывая теперь не весь Элам, а только один из его субрегионов – Сузиану (причём сдвиг этот, как можно заключить из «Киропедии», обнаруживается уже у Ксенофонта).

2) В разбиравшемся нами пассаже Страбона XV.3.2 можно заметить ещё одну парадоксальную особенность. Хотя, как упоминалось, Страбон

---

⁴⁸ После отложения Анчана в особую эламоэтническую политику и до аннексии Навуходоносором Сузианы (с перерывом на ассирийское иго над всем Эламом во второй половине 640-х – второй половине 630-х / начале 620-х гг. до н.э.).

твёрдо делит пространство между Вавилонией и Персидой на Сусиду, Элимею и Уксию, и его Сусида граничит с Персидой лишь на крайнем своём юге, смыкаясь с ней полоской земли на побережье, при р. Ороатис (совр. Захре; XV.3.1; XV.3.4), а далее на север отделяется от Персиды Элимеей и Уксией⁴⁹, – тем не менее обсуждаемый пассаж того же Страбона, XV.3.2, содержит ряд выражений, отражающих совершенно иную картину, в которой Сусида обнимает всё пространство между Вавилонией и Персидой (чего Страбон, как остаётся думать, не замечает). Такова первая же фраза этого пассажа: «Сусида также является почти что частью Персиды и расположена между Персидой и Вавилонией», – а также появляющееся чуть ниже упоминание, что персы при решении разместить свою столицу в Сузах оценили положение Сусиды на границе собственной земли, Персиды. Можно ли было бы воспринимать некую область как «почти что часть» Персиды и как пограничную с Персидой, если бы она смыкалась с Персидой лишь узкой полоской вдоль берега Персидского залива? Нам представляется очевидным, что нет, и что приведённые фразы почерпнуты Страбоном из традиции, восходящей в конечном счёте к представлению о «Сусиде» как о территории, эквивалентной всей *Ūja* терминологии времён Дария – Ксеркса = всей Киссии Геродота = всему Эламу между Вавилонией и Персидой (или сконструированы Страбоном под влиянием этой традиции). Конструкция «Сусида... расположена между Персидой и Вавилонией» тоже, скорее всего, отвечает по своему исконному смыслу всё тем же представлениям, по которым Сусида занимает всё пространство между Персидой и Вавилонией (а не просто граничит с одной стороны с Вавилонией, а с другой стороны граничит прибрежным своим участком с Персидой – именно такое значение оставалось бы придавать разбираемой фразе в контексте общей схемы Страбона). Сам Страбон всех этих нюансов, несомненно, не уловил (иначе он поменял бы соответствующие выражения или оговорил бы расхождение выраженного в них географического членения с тем различием Сусиды, Элимеи и Уксии, которое он неизменно проводит), поскольку для него разница между Сусидой, Элимеей и Уксией – факт твёрдый и общеизвестный (в таком недоучете Страбоном истинного смысла приводимых им выражений ничего исключительного для него нет⁵⁰). Однако

---

⁴⁹ *Немировский А.А.* Юго-Западный Иран... С. 53.

⁵⁰ Ср.: в изложении Страбоном сведений о географии Юго-Западного Ирана обнаруживаются и другие противоречия, связанные с тем, что он использовал и воспроизводил источники раннего времени, не всегда замечая противоречия между ними (*Немировский А.А.* Юго-Западный Иран... С. 54–63); так, взяв от историй похода Александра описание территориального соседства страны уксиев с Сузианой, он воспроизвёл его, не замечая, что это несовместимо с его же схемой, по которой Сузиана полностью отделена от уксиев элимеями (дело в том, что истории похода

за употреблёнными им тут выражениями стоит в конечном счете представление, тождественное Геродотову, с точностью до того, что пространство, именуемое у Геродота «Киссией» с центром в Сузах, здесь называется просто «Сусидой» – вполне естественное развитие географической номенклатуры.

Остаётся считать, что в какой-то период после Геродота (падающий, очевидно, на вторую половину V – начало IV вв. до н.э.) греческое представление о «Киссии, стране киссиев с центром в Сузах» (в объёме персидского *Ūja* / Элама) сохранило суть и охват, но получило вариативную терминологическую реализацию: «Сусида, страна киссиев с центром в Сузах» (в том же объёме персидского *Ūja*), – и выражения, восходящие к сочинениям, отражающим это представление, Страбон использовал в своем пассаже XV.3.2, не отдав себе полного отчета в их смысловых импликациях. Но ведь и сообщения о героической эпохе независимости «Сусиды», за которыми реально стоит история всего Элама, приводятся им в этом же пассаже, в общем контексте с такими выражениями о Сусиде, которые на деле и подразумевают отнюдь не тот узкий объём понятия «Сусида», который разделяет сам Страбон, а широкий, отвечающий территории всего Элама VII – VI/IV вв. до н.э.

По совокупности наблюдений (1) и (2) мы заключаем, что исходно греки имели адекватное представление об Эламе как таковом как о стране соответствующего территориального охвата (всё пространство между Вавилонией и Персидой = ахеменидское *Ūja*) с центром в Сузах, и называли эту страну Киссией, а позднее также Сусидой. Однако ещё позднее произошел сдвиг в том, каким объёмом наделялось понятие о «Киссии / Сусиде»: теперь его относили только к западной части Элама-*Ūja* (= Сусида в суженном, Страбоновом смысле слова), что и потянуло за собой перенос представлений о реальной истории всего Элама лишь на эту его часть – поскольку указанные представления и были связаны просто с понятием о Киссии / области с центром в Сузах, и с изменением географического объёма и приурочения понятия об этой стране автоматически менялось тем же образом и приурочение представлений о её истории.

Что же могло послужить причиной самого сдвига в охвате понятия «Киссия / Сусида»? Напомним, что в пределах известных нам источников впервые об области Суз как о чем-то меньшем, чем всё пространство между Вавилонией и Персидой, прямо стали говорить истории похода Александра, где фигурировали как отдельные этнотерриториальные единицы: (а) основная часть территории, подчинённой сатрапу Суз (т.е. Сузиана в самом узком смысле слова), (б) территория равнинных уксиев, подчинённая тому

Александра не выделяли и не упоминали элимеев, а их территорию включали в Сузиану), см. подробно *Немировский А.А.* Юго-Западный Иран... С. 59–63.

же сатрапу, и (в) территория независимых от него автономных горных уксиев, противопоставленная области Суз / Сузиане в любом смысле слова (см. выше). Как видно, это деление просто следует ахеменидскому административному членению. Изменение территориального объёма греческого понятия о Сузиане/киссиях, вероятно, и следовало изменениям в реальном политико-административном членении Юго-Западного Ирана. В самом деле: во времена Геродота всё пространство между Вавилонией и Персидой образовывало одну сатрапию с центром в Сузах – и Геродот всё это пространство рисует как одну страну «Киссию», не выделяя в ней никаких частей; ко времени Александра горная Уксия была независима от этой сатрапии – и истории похода Александра описывают область с центром в Сузах как нечто отдельное от страны горных уксиев; затем в качестве отдельной и от уксиев, и от Сузианы автономной политики выступают и элимеи (упоминаемые как фактически независимый разбойничий народ, аналогичный уксиям и отличный от них и от жителей области Суз, уже Неархом [Strabo. XI.13.6], а позднее образовавшие особое царство, лишь с I в. н.э. включавшее Сузы) – и Страбон различает Сусиду, Элимею/Элимаиду и Уксию как разные страны.

3) Всё в том же пассаже Страбона XV.3.2 стоит фраза: «Ибо персы и Кир, покорившие (=после покорения) мидийцев, увидев, что их родина расположена до некоторой степени на окраине [державы], тогда как Сусида находится глубже внутри [державы] и также ближе к Вавилонии и к прочим народам, заложили там царскую резиденцию своей державы». Момент, когда персы и Кир распорядились судьбой Сусиды, определён здесь как момент после покорения Киrom Мидии. Однако Сусида могла стать внутренней областью державы Кира лишь после более позднего покорения им ещё и Вавилонии: до того Сусида (в любом объёме) – просто в силу своего географического положения – могла бы быть и в реальности, и с точки зрения греков, какими бы представлениями на эту тему они ни располагали⁵¹, либо пограничным краем владений Кира на вавилонском направлении, либо вообще не принадлежащей ему (а принадлежащей Вавилонии) территорией. Внутренней областью державы Кира страна с центром в Сузах могла стать только после того, как эта держава включила бы саму Вавилонию. В процитированной конструкции, представленной у Страбона, остается усматривать неосознанную контаминацию двух пластов информации, относящихся реально к разным моментам времени и разным территориям. Сообщение о том, что Кир и персы решали судьбу некоей «Сусиды» и переносили туда свою столицу именно по овладении Мидией

---

⁵¹ Того, что перед покорением Вавилонии Сузы с округой принадлежали именно ей, а прочий Элам – Мидии и затем Киру, различные греческие авторы, разумеется, могли и не знать (хотя принадлежность Суз Вавилонии на момент войны с ней Кира известна по крайней мере Ксенофону).

подразумевают, что эта «Сусида» и досталась им в составе мидийских владений (ещё до войны Кира с Вавилонией). К реальной Сузиане это не относится (она в то время принадлежала Вавилонии), зато полностью отвечает судьбе отдельного от Сузианы Эламского царства, существовавшего в VI в. до н.э. как вассал Мидии, а потом Кира. Сообщения же о переносе столицы в Сузы и о том мотиве этого переноса, что Сусида являлась внутренней областью персидской державы, отвечают завоеванию Киrom Вавилонии (вместе с подчинёнными ей Сузами): лишь в результате этого завоевания Сузы попали в руки Кира, а «Сусида» стала внутренней областью его владений. У Страбона, однако, все эти сведения представлены уже в контаминированном виде, как относящиеся к одной и той же «Сусиде». Здесь мы вновь сталкиваемся с осмыслением всех дошедших сведений об истории всего Элама как сюжетов истории Сузианы, причем данный пример носит тот же характер, что и представление об автономной Сузиане, подвластной Вавилонии, а потом Мидии и Киру у Ксенофонта: в обоих случаях в представленной картине присутствуют, с одной стороны, элементы, реально отвечающие истории подвассального Мидии и Киру Эламского царства VI в. до н.э. вне Сузианы (получение «Сусиды» Киrom после завоевания им Мидии у Страбона; существование зависимого от Кира и Мидии Сузского «царства» у Ксенофонта), с другой – элементы, реально отвечающие истории существовавшей отдельно от этого царства вавилонской Сузианы VI в. до н.э. (Кир переносит столицу в Сузы в обстоятельствах, соответствующих времени после завоевания им Вавилонии, у Страбона; Сузы ко временам возвышения Кира принадлежат Вавилонии и захватываются Киrom во время его войны с Вавилонией у Ксенофонта), но у обоих авторов эти элементы представлены в контаминированном виде и привязаны именно к Сузам и их области.

4) Скучность отражений Элама и эламской истории в дошедших греческих источниках доэллинистической эпохи не позволяет с уверенностью судить о том, имели ли тогда греки какое-то представление о судьбах Элама / Суз до VII/VI вв. до н.э. Однако то, что в этих источниках о таком давнем прошлом ничего не сообщается, кроме приведения чисто греческого этиологического мифа об основании Суз Мемноном, а в остальном Сузы и их область упоминаются просто как территория, попадающая в руки Ахеменидов (из рук Вавилонии, у Ксенофонта) или принадлежащая Ахеменидам, позволяет предполагать, что до эпохи эллинизма греки об истории Элама до мидийско-персидского великодержавия никаких представлений не имели. Это подтверждается развёрнутым изложением мифа о Мемноне как основателе Суз у Ктесия (Diod. II.22): Приам был вассалом ассирийцев, повелевавших всей Азией, и просил у них помощи против греков, ассирийский царь Тевтам послал ему «10 000 эфиопов и столько же сусианцев с 200 колесницами, под началом Мемнона сына Тифона... Тифон в те времена был [ассирийским] стратегом

[=наместником] Персиды... Мемнон построил на акрополе Суз дворец, который всё ещё стоял вплоть до персидского владычества и назывался по нему Мемноновым. Он устроил также дорогу через окрестности [Суз], которую по сей день называют Мемноновой»⁵². Что именно здесь вымышлено самим Ктесием, оценить трудно, но ясно, что и за этим рассказом не стоит никаких сведений по реальной истории Элама, а следующей же вехой истории Суз после Мемнона оказывается в этом пассаже Ктесия персидское владычество.

Представление о древней «героической эпохе» независимости «Сусиды» / Элама, появляющееся у Страбона, предпочтительно, таким образом, связывать с информацией, поступившей к грекоязычным авторам уже в эллинистическую эпоху, и источником её надо считать не контакт с традицией самого Элама⁵³, а контакты с Вавилонией, чья историческая традиция была доступна грекоязычному миру и через грекоязычную «Вавилонскую историю» Беросса, и независимо от него. В дошедших фрагментах Беросса упоминаний истории Элама нет, однако эти фрагменты не охватывают почти всего изложения истории Месопотамии III – первой четверти I тыс. до н.э., а в нём Элам должен был фигурировать неоднократно. И «Вавилонская история» Беросса, и другие данные⁵⁴ (в том числе т.н. «Кедорлаомер-тексты» – таблички из Вавилонии уже парфянского времени, конца II в. до н.э.⁵⁵) доказывают, что восходящие в конечном счете к старо- и средневавилонскому периоду и к ещё более ранним временам царские списки и хроники (в том числе «Шумерский царский список», используемый, например, у Беросса), отражавшие правления и события III – середины I тыс. до н.э., активно использовались носителями клинописной учёности эллинистического и парфянского времени, и информация из них, как показывает уже Беросс, попадала и в грекоязычную учёную литературу. Эламу в них должно было уделяться

---

⁵² Упоминание Ктесием Суз (Ctes. F6b*.6 = Nic. Damas. Exc. de Virt. p. 330.5 Büttner-Wobst = FGrH 90 F4) как местопребывание вымышленного мидийского царя Артая, – одного из последних в ряду выдуманных Ктесием мидийских царей, правивших после крушения Ассирии, – никакого значения не имеет, это часть вымышленной истории Артая и его приближённого Парсонда.

⁵³ Правда, у Птолемея в качестве названия горной части Элама в узком смысле слова фигурирует термин «Халтапитида», воспроизводящий эламское самоназвание «Халтамти», однако это исключение (и к тому же позднее); Страбон и все прочие античные авторы этого названия не знают.

⁵⁴ О традиции хроник и царских списков, в том числе в эллинистическое время см. ABC; Grayson A.K. Königlisten und Chroniken. В. Akkadisch // RLA. Bd. 6. В., 1980–1983. P. 86–135; Glassner J.-J. Mesopotamian Chronicles. Atlanta, 2004.

⁵⁵ Это копии композиции, составленной в Вавилонии, вероятно, в персидское (или эллинистическое?) время, см. Foster B.R. Before the Muses. An Anthology of Akkadian Literature. 3^d ed. Bethesda, 2005.

достаточное внимание, как видно уже из того, что в «Кедорлаомер-текстах» речь идёт о нашествии эламского царя Кутир-Наххунте II на Вавилонию в XII в. до н.э. Однако едва ли античная традиция узнала в итоге об Эламе больше того, что написано у Страбона – что в некую древнюю эпоху своей истории страна со столицей в Сузах была независима, и лишь потом стала переходить из одних чужеземных рук в другие. Характерно, что кроме вымышленного Ксенофонтom Абрадата греческие авторы не называют каких-либо конкретных царей Суз / Элама. О реальной древности Элама греческая учёность представления во всяком случае так и не получила: Страбон продолжает принимать давнюю греческую этиологическую легенду о том, что Сузы основал Тифон и дополнительно обустроил его сын Мемнон (XV.3.2), но Мемнон в греческой традиции – современник и участник Троянской войны, помещавшейся в греческой хронографии на XIII-XII вв. до н.э.⁵⁶ Основание Суз и государства со столицей в них приходилось бы тем самым примерно на 1250/1200 г. до н.э. Итак, древняя история Элама по-прежнему терялась для учёных времён Страбона во тьме, которую они продолжали заполнять греческой легендой, и получалась при этом на полторы тысячи лет короче, чем в реальности.

По совокупности приведённых соображений эволюция греческих знаний об Эламе рисуется так:

в последней трети VI в. до н.э., в связи с попаданием части греков под власть Ахеменидов, в греческую традицию попали сведения об этногеографическом и административном членении Персидской державы (что отразилось в рассказе и карте Аристагора у Геродота, V.49), дополненные в первой половине V в. до н.э. и отразившиеся в этом виде у Геродота. Свое место на этой карте занял и Элам – страна *Ūja* с центром в Сузах по персидскому делению на исторические области-*дахья*, составлявшая также особую сатрапию державы Ахеменидов (и занимавшая все эламские субрегионы, кроме превратившегося в Персиду Анчана⁵⁷). Греки называли её именно в этом территориальном объёме «Киссией», а эламитов – «киссиями»; позднее, на протяжении, вероятно, V в. до н.э., Киссию в том же территориальном объёме греки стали называть и «Сусидой» – просто по её центру (это представление имплицитно передают использованные Страбоном в XV.3.2 выражения о Сусиде, находящейся между Вавилонией и Персидой, граничащей с Персидой и почти что составляющей часть Персиды). Давним доахеменидским прошлым Элама

---

⁵⁶ Подробнее см. *Немировский А.А.* Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады // *Studia Historica*. Вып. III. Москва, 2003. С. 3–18.

⁵⁷ В таких границах, напомним, Эламское царство существовало с конца VIII в. по конец 590-х гг. до н.э., с перерывом из-за ассирийского ига ок. 640 г.

греки не интересовались, ограничившись созданием собственной легенды об основании Суз Тифоном и укреплении их его сыном Мемноном.

Уже в течение классической эпохи до греков доходили отголоски сведений об обеих эламских территориях VI в. – вавилонской Сузиане, которую Кир приобрел вместе с Вавилонией в 539 г., и отдельном от нее Эламском царстве, подвассальном Мидии, а потом Киру. Однако греки не имели понятия о раздельном существовании Сузианы и Эламского царства до 539 г. и воспринимали все эти сведения сквозь призму современной им ситуации, когда обе эти территории составляли одну страну/сатрапию с центром в Сузах, а потому относили все известия об Эламе эпохи основания персидской державы к этой единой стране своих представлений (Киссии-Сусиде), контаминируя их. В результате у Ксенофонта появляется Сузское царство, подвластное сначала вавилонянам, а потом – Мидии и Киру, а в сведениях, использованных Страбоном, Кир получает «Сусиду», овладев Мидией (но при этом Сусида оказывается внутренней областью его державы, что могло иметь место только после покорения им Вавилонии).

В V – середине IV вв. до н.э. изменилось, однако, само административное членение ахеменидского Элама. Сатрапия с центром в Сузах занимала теперь лишь его часть, а субрегион горных уксиев, отвечавший в основном эламскому Симашки, приобрёл автономию и в эту сатрапию не входил. В ходе развала державы Александра и Сузская сатрапия Дария III раскололась, в её составе осталась лишь Сузиана в самом узком смысле слова – эламский субрегион Шушен, – а субрегион Элам в узком смысле слова целиком или большей своей частью составил отдельную область (превратившуюся в конце концов в царство), к населению и территории которой прилагались восходящие к семитскому «Элам» термины «элимеи», «Элимея», «Элимаида». Таким образом, политико-административное единство с центром в Сузах резко уменьшилось по сравнению с предыдущими веками: теперь из трёх субрегионов Элама VII–V вв. до н.э.: Шушен, Элам с суженным смысле слова, горная «Уксия» – это единство занимало лишь первый (=Сусида в понимании Страбона, отличная от Элимеи и Уксии). А поскольку понятие об Эламе – т.е. о «стране Киссия / Сусида с центром в Сузах» – точного географического содержания у греков иметь не могло, а просто было привязано у них к административному единству со столицей в Сузах, какой бы объём оно ни имело, это понятие у греков претерпело соответствующее сужение: теперь и этноним «киссии», и хороним «Сусида» относилось у них лишь к самому западному из субрегионов Элама – Сузиане в узком смысле слова, а вместе с этими наименованиями лишь к ней оказались привязаны и представления о древней независимой истории Элама, также появившиеся у греков в эллинистический период (в результате там, где история Эламского царства реально расходилась с историей Суз, она окончательно оказалась замещена последней). Территории же, составившие теперь независимые от Суз области элимеев и уксиев, у греческих учёных

более не осознавались как связанные с Сузианой / киссиями в некое единое целое и не соотносились с древней историей независимого Элама, – для греческой традиции эта история была теперь древней историей лишь Сусиды/киссиев в узком, эллинистическом объёме термина. Всё это мы и наблюдаем у Страбона.

Далее, Страбон в разбираемом пассаже XV.3.2 пишет, что «Сусида... всегда находилась под чужим владычеством и составляла часть более крупного государственного объединения, за исключением, быть может, древности, героической эпохи». Эти выражения не оставляют сомнения в том, что, не считая персидской державы, таких «более крупных», включавших Элам как аннексированную чужеземную область государств было с точки зрения Страбона как минимум два: коль скоро персы при основании своей державы уже исходят, по Страбону, из того, что «Сусида» всегда (по окончании «эпохи героев») была частью какого-то большего государственного объединения, то ясно, что таких объединений было более одного – в последнем случае почвы для таких обобщающих формулировок не возникало бы, а было бы просто сказано, что Сусида к тому времени (то есть в пору захвата Киrom Мидийской державы) являлась лишь частью определённого государства, которое и было бы названо по имени – Мидия или, допустим, Вавилония. Представляется, что этими «большими» государствами, обладавшими «Сусидой» до Кира, в эллинистическую эпоху считались Мидия, Вавилония и Ассирия. Мидия и Вавилония должны были попадать в этот ряд, поскольку, как было показано выше, и у Страбона, и у Ксенофонта отразились в контаминированном виде представления и о мидийском, и о вавилонском господстве над Эламом. При этом по эксплицитному изложению Страбона получается, что Элам («Сусида») достался Киру от Мидии, а у Ксенофонта Кир завоёвывает Сузское «царство» у Вавилонии, но при этом сам находится под властью мидийского царя, которому и достаётся тем самым верховное владычество над Сузским царством, пока к власти над Мидией не приходит после него сам Кир. Что касается Ассирии, то, хотя греки необязательно знали о том, что Ашшурбанапал – Сарданапал греческой традиции – аннексировал на некоторое время Элам, твёрдое представление греческой учёной традиции (одинаково разделяемое Геродотом, Ктесием и т.д.) о том, что ассирийцы первыми владели всей (Верхней) Азией, а позднее их в этом качестве сменили мидийцы и, наконец, персы, должно было побудить их считать и ассирийцев (первыми) иноземными владыками Суз и их страны. Ср.: у Ктесия (Diod. II.22) Тифон (основатель Суз по греческой легенде), отец Мемнона (занимавшегося строительством в Сузах по этой легенде, воспроизводимой и у Ктесия) – просто ассирийский стратег Персиды.

Наконец, что побудило эллинистическую учёность в лице Страбона определять время древней независимости страны Суз как «героическую эпоху», досл. «в древности, при героях» (*τὸ παλαιὸν τὸ κατὰ τοὺς ἥρωας*)?

Прежде всего подчеркнём, что нет никакой надобности видеть в этих «героях» неких местных «героев» Суз и Элама. Выражение *κατὰ τοὺς ἥρωας* «при героях, в героическую эпоху» вполне естественно используется у Страбона (в соответствии со смыслом этого выражения у Гесиода и греческих учёных) просто для обозначения определённого хронологического периода, окончившегося Троянской войной и её ближайшими последствиями. В Strabo. XII.3.23 это же выражение следующим образом употреблено при обсуждении того, мог ли Гомер знать о предполагаемых серебряных рудниках Халибы/Алибы, страны к востоку от Галиса: «Если серебряные рудники [Халибы/Алибы] и вошли бы в славу не в героическое время (*κατὰ τοὺς ἥρωας*), а в эпоху Гомера, то можно ли за это было бы порицать выражение поэта [Гомера, который назвал Алибу/Халибу страной, богатой серебром в II. II.856, т.е. применительно ко времени Троянской войны]?» Таким образом, Страбон хотел лишь выразить ту мысль, что страна Суз была независимой лишь в глубокой древности, ещё в героический век – период, завершившийся поколениями Троянской войны (поэтому выражения «в древности» и «во время героев» и выступают у него здесь парой). Как у Страбона и его источников получилась такая хронология (не отвечающая действительности: Элам был ненадолго аннексирован Ассирией в середине 640-х гг. до н.э., а подчинился Мидии как вассал около исхода VII в. до н.э., т.е. примерно на шесть веков позже доминирующих у греческих учёных датировок Троянской войны – ок. 1200 г. до н.э. +/- несколько десятилетий; исходно датировка Троянской войны, судя по всему, имела в греческой традиции вид «за 12 поколений до первой Олимпиады»⁵⁸), понять нетрудно. Геродот (I. 95) исчислял владычество ассирийцев над всей Верхней Азией в 520 лет; оборвалось это владычество, по Геродоту, отложением мидян с воцарением над ними Дейока, а через 150 лет после этого (I. 102, 106, 130) власть над Мидией захватил Кир. Ассирийское владычество над Азией тем самым началось, по данной хронологии Геродота, за 670 лет до захвата Киrom Мидийской державы, *gesp.* ок. 1220 г. до н.э. – за одно-два поколения до Троянской войны или почти одновременно с ней, в зависимости от большинства вариантов датировки этой войны в греческой хронографии. А поскольку эпоха независимости Суз могла бы приходиться лишь на время до установления пятивекового (по Геродоту) ассирийского владычества над всей Верхней Азией, то она действительно падала в рамках греческой хронографии на время до Троянской войны, т.е. на «героический век» по греческому счёту. У Страбона (и, очевидно, в его источниках) это помещение эпохи независимости государства с центром в Сузах на «героический век» греческой хронографии сочетается со следованием давней и общей греческой традиции (представленной ещё у Эсхила и

---

⁵⁸ *Немировский А.А.* Датировка Троянской войны... С. 17 сл.

Геродота, см. выше), по которой основателем Суз был Тифон, а укрепил Сузы его сын Мемнон; Мемнона та же общая греческая традиция делала современником и участником Троянской войны на стороне Приама. Тем самым даже при короткой хронологии ассирийского владычества над Азией, принятой у Геродота (у Ктесия оно намного древнее и дольше⁵⁹), эпоха независимости Суз / Элама оказывалась бы исключительно непродолжительной: Сузы, согласно греческой схеме, и основаны были Тифоном, отцом участника Троянской войны (Мемнона), а около времени этой войны ассирийцы, по Геродоту, уже установили владычество над всей Верхней Азией (стало быть, очевидно, и над Сузами в том числе). Чтобы независимость Суз продолжалась дольше, надо было бы сокращать время ассирийского господства над Азией даже и сравнительно с Геродотом (либо исключать Сузы и их страну из этого господства на значительной части его протяжения). Стоит отметить, что схема Ктесия по всем этим вопросам была во всяком случае отвергнута греческой учёностью эпохи Страбона: по Ктесию (Diod. II.22) уже и сами Тифон и его сын Мемнон, обустроиватель Суз и участник Троянской войны, живут во время давно установившегося ассирийского господства над Азией и действуют по ассирийским приказам (Тифон при этом просто ассирийский стратег Персиды). При принятии этих сообщений оказалось бы, что у Суз / Элама вообще не было периода независимости, так как здесь получается, что Сузы и основаны были под ассирийской властью на подчинявшейся ассирийцам территории. Страбон и его источники рисуют, однако, противоположную картину, более соответствующую реальной истории.

---

⁵⁹ У Ктесия ассирийское владычество над Азией продолжается 1360 лет (Diod. II.21.8, ср. II.28.8), из них более 1000 лет падает на время до Троянской войны (Diod. II.22.2), а после этих 1360 лет проходит 300 с небольшим лет правления мидийских царей до воцарения Кира (Diod. II.32.6 + II.34.1 + II.34.6). Ктесий, таким образом, помещает смену мидийской властью власти ассирийской на время ок. 860 г. до н.э. (Геродот – ок. 700 г. до н.э.), а Троянскую войну – на время ок. 1200 г. до н.э., в полном соответствии с доминирующими греческими датировками этой войны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Банищикова</i> «ПЕРЕВЁРНУТАЯ СТРАНА» И «ЦАРСТВО ЖЕНЩИН»: ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА В ДИА- ЛОГЕ ГРЕЧЕСКИХ И ПОЗДНЕЕГИПЕТСКИХ ВОСПРИЯТИЙ	3
<i>А. А. Немировский</i> «СУСИДА ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»: ЧТО И ОТКУДА МОГЛИ ЗНАТЬ АНТИЧНЫЕ УЧЁНЫЕ ЭПОХИ СТРАБОНА О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЭЛАМА?	12
<i>А. Б. Шарнина</i> ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ОБЫЧАЙ ΝΙΚΗΤΕΙΑ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ ПОЛИСА	41
<i>И. Е. Суриков</i> ДАТИРОВКА ПРАВЛЕНИЯ КРЕЗА И ЕГО МОНЕТ (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НЕДАВНЕЙ ГИПОТЕЗЫ)	54
<i>В. С. Ленская</i> АФИНСКАЯ ФРАТРИЯ КАК РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ	62
<i>С. В. Обухов</i> НАДПИСЬ ИЗ КИЛАФИК-ХУЮК – ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОЙ КОММАГЕНЫ В ЭПОХУ АНТИОХА I (69–34 гг. до н.э.)	75
<i>Ю. Б. Циркин</i> ДЕЛО ГАЯ ГОСТИЛИЯ МАНЦИНА	85
<i>А. В. Короленков</i> PRIVATI CUM IMPERIO ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 80-х гг. до н.э. В РИМЕ	103

<i>С. Э. Таривердиева</i> КОГДА РОДИЛАСЬ ДОЧЬ ЦЕЗАРЯ?	113
<i>О. В. Любимова</i> РИМСКАЯ ПОЛИТИКА В 70-е гг. до н. э. И ПРОБЛЕМА ПРАВ Трибунов (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)	126
<i>Д. Д. Дымская</i> ЕЩЁ РАЗ О ПИСЬМЕ ЛЕНТУЛА	152
<i>В. Г. Изосин</i> ОДОАКР И «АКАКИАНСКАЯ» СХИЗМА	160
ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	
<i>Д. Хедьи</i> ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭСИМНЕТИИ	182
<i>Г. Альфельди</i> IN OMNES PROVINCIAS EXEMPLUM: ИСПАНСКИЕ ПРОВИНЦИИ И IMPERIUM ROMANUM	186
<i>С. Кальдероне</i> К ИСТОКАМ «КОНЦА» ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	205
РЕЦЕНЗИИ	
<i>И. Е. Суриков</i> КУЛЬТУРОЛОГ О ПРОБЛЕМАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	229
<i>А. В. Короленков</i> <i>Blösel W.</i> Die römische Republik. Forum und Expansion. München, 2015	240

Д. Д. Дымская

Бондаренко М.Е. Меценат. М., 2016

248

В. О. Никишин

Tasoma L.E. Moving Romans. Migration to Rome in the Principate.
Oxford, 2016

256

VARIA

И. Е. Суриков

ЕЩЁ РАЗ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
РАННЕЙ ИСТОРИИ БОСПОРА

(в связи с критикой наших идей со стороны В. П. Яйленко)

264

СОКРАЩЕНИЯ

279